

ЛЮДМИЛА И РУСЛАН

Искусствоведческая склока в одиннадцати абзаца

Шепнули: Боровский о твоей книге для НОМИ статью ругательную пишет. Жду со слабым беспокойством. Открываю журнал. Там:

НЕИСТОВЫЙ РЕВНИТЕЛЬ

Людмила Гуревич. Художники ленинградского андеграунда: биографический словарь.

Александр Боровский

Выходит, не обо мне – Боровский создал персонаж– Людмилу. Ей отдал мою фамилию и книгу. Но и об этой Людмиле в статье чуть-чуть. Все там – об Александре Боровском.

Но кто будет вчитываться? Я сама примерно с седьмого захода заставила себя эту рецензию, всю подряд, до конца, прочесть. Прочитав восхитилась: как сумел выразить себя автор в тексте, состоящем сплошь из трафаретных фраз! И захотелось поделиться.

Тут можно комментировать каждое предложение и даже слово, но стерпит ли читатель? Потому – только избранное. И попробую обнажить драматургию.

Я тоже персонажа сделаю – для симметрии, для живости. И в отместку. Итак,

ГОВОРЯЩИЕ ЛИЦА:

А. Д. Б. – Александр Давидович Боровский, заведующий Отделом современных течений ГРМ, заслуженный деятель искусств Российской Федерации. Его слова, взятые из статьи, даны *курсивом*.

Л. Г. – знают как Любу; по паспорту – Любовь Юрьевна Гуревич. Так и написано белым по синему на четвертой стороне обложки упомянутой и все-таки именно мной написанной книги. Моя речь – обычным шрифтом.

Л ю д м и л а – созданный А.Д.Б. персонаж: Неистовый ревнитель. Реплики – **жирно**.

Р у с л а н – созданный мной персонаж: Самодовольный конформист. Реплики – *жирно курсивом*.

Абзац первый

А.Д. Б.: *«Признаюсь, взялся писать об этом издании не без сомнений. Мое ли это дело: биографически-фактографическая сторона художественного процесса специально меня никогда не занимала, пружинки и механизмы бытования ленинградского андеграунда, то есть институциональная сторона его существования, – тоже».*

Л.Г.: Это для меня какое-то Новое слово. Выходит, теперь не только художник может не уметь рисовать и вообще руками что-то делать, но и искусствоведу, т.е. знатоку искусства, не нужно и даже как-то унижительно знать фактическую сторону того, о чем он беспрестанно пишет, о чем вот сейчас, в этой рецензии будет судить?

Р у с л а н: *Да, так удобнее, от фактов свободен – ворочу, что хочу. К тому же покупают не то, что я пишу, а мою подпись под статьей. А все ж, на всякий случай, пусть и другим факты будут неизвестны, вдруг кто-то заглянет, пробежит глазами и подумает: вот опять наврал... То есть вредная вышла книга.*

Л.Г.: Но все-таки – зачем Вы, Александр Давидович, это так прямо сказали; кто-нибудь может вопрос задать: так что же Вас занимает в этом предмете? А фраза замечательная, мне пригодится, спасибо. Дальше следуют риторические красоты: перечисление того, чем словарь не является, а в скобках упомянута «Школа анналов» – судите, сколь автор образован, там же указывается, чем я должна была заняться вместо того, чтобы писать эту книгу...

А.Б.Д.: *«...только приветствовал бы монографию типа «Повседневная жизнь ленинградских неофициальных художников».*

Л ю д м и л а: *Да разве только он – меня бы на части рвали и издательства, и глянцевого журналы, если бы все, что знаю, донесла.*

Л.Г.: Людмила, это он – от щедрости души. Тебе предлагают быть там, где лучше.

Л ю д м и л а: *Да, это известно: Руслана слушать, его держаться – не пропадешь.*

Л.Г.: Заканчивается перечисление того, чем книга не сподобилась быть, на высокой ноте:

А.Д.Б.: *«И уж конечно – не замах на некую концептуализацию описываемого явления в параметрах отечественного и мирового художественного процесса».*

Л.Г.: Тут прямое указание на масштаб мышления А.Д.Б. – и вот они, выговорены, сакраментальные слова: «мировой художественный процесс». Вот так, в первом же абзаце, указано расстояние между нами. У А.Д.Б. – замах и масштаб; я – лишь литератор бедный, описывающий небольшую, очерченную область; меня не концепции интересуют, а только люди и подробности – наши амбиции не должны пересечься, в чем драма, что Вас, Александр Давидович, так задело?

Абзац второй

А.Д.Б.: *«Как ни локализует автор свою задачу, ни страшует себя жанром ...»*

Л.Г.: Для меня – жанр полностью слит с задачей: дать сведения о персонажах. Зачем и от чего страховаться Людмиле – не представляю, но жанр в наше время ни от чего застраховать не может.

А.Д.Б.: *«...справочный жанр ... берет на себя ... репрезентационные, полемические и даже охранительские функции».*

Л.Г.: Нелюбовь к конкретности, о которой Вы оповестили в первом абзаце, постоянно мешает понять, что Вы имеете в виду. Остается неясным: что и от кого он охраняет?

Л ю д м и л а: **Да от Руслана. Он хоть под облаками летает, все-таки и на земле свой интерес блюдет. И в одно прекрасное утро видит: какая-то часть того, что он считал собственной вотчиной, огорожена, а вдоль забора на цепи незнакомая собака бегают.**

Абзац третий

Л.Г.: А.Д.Б. сделал вид, что автора похвалил, дескать: *«провела огромную исследовательскую – архивную и, так сказать, полевую работу...»*, а на самом деле – сыграл на понижение: *«...собрав сведения о ста сокола трех художниках»*. А что там есть и описание творчества – ну, так это, я подумала, не намеренно опустил, просто ни одной статьи не прочел (*«Мое ли это дело»*) – пробежался только по фамилиям.

А.Д.Б.: *«Если... говорить о некоторых – неизбежных при таком объеме информации – пробелах, я бы упомянул совсем немного не попавших в книгу имен: А. Ней, В. Бруй, Г. Худяков, И. Якерсон».*

Л.Г.: Выходит, и предисловием пренебрег. Там указан критерий отбора: участие в неофициальных выставках. Не обещала же включить всех, кто в коллекции Доджа или в «Голубой лагуне»¹ засветился. При всяком критерии возможны потери, и мне самой жаль, что Ней выпал.

Л ю д м и л а: **Ну, зато ясно, какой у Руслана критерий: включать надо было тех, кого в Нью-Йорке знают. Поэтому имен оказалось немного – те, кто в Иерусалиме, в Париже, в Риме и т.д. ленинградским нонконформистом себя рекомендуют, не считаются.**

Абзац четвертый

А.Д.Б.: *«В ... предисловии ... автор могла бы прописать истоки ленинградского андеграунда, немыслимого без имен П. Кондратьева, А. Лепор-*

¹ Имеется в виду составленная К. Кузьминским и Г. Ковалевым многотомная антология новейшей русской поэзии «У Голубой лагуны», в которой имеются также материалы о художниках

ской, Н. Акимов, С. Гершова, Е. Магарил, Б. Смирнова и многих других мастеров старшего поколения».

Л ю д м и л а: Я, признаться, думала, только неграмотные люди в телевизоре андеграунд за стиль или направление считают. Оказывается, и заслуженный деятель искусств туда же.

Л.Г.: Да, неловко объяснять элементарные вещи, но приходится: андеграунд – явление социальное, по-русски – «подполье». В которое художников загнали. Разных художников с разными истоками творчества. У каждого – своими. Именно за то и загнали, что эти люди не умели ходить строем. И что за странное предложение, как понять: перечисленные фамилии относятся к «истокам» или к «андеграунду»? В андеграунде, что ли, Акимов сидел или в андеграунд загонял? Не могу заподозрить А.Д.Б. в писательской неопытности...

Л ю д м и л а: Да нет, это автоматически – привычка выражаться двусмысленно.

Л.Г.: Наверное, А.Д.Б. хотел сказать, что эти люди на художников андеграунда влияли? Ну только что уведомил, что фактографическая сторона, т.е. конкретика его не интересует, и тут же так неосторожно имена стал называть. Нет, не П. Кондратьев влиял на моих персонажей, а В. Стерлигов, в учениках которого он в 1960-е гг. ходил, не А. Лепорская, а ее учитель П. Филонов. С влиянием С. Гершова на художников андеграунда ни разу не столкнулась, и Б. Смирнова – тоже.

Р у с л а н: *А мне все это неинтересно. Как написал, так написал. Кто проверять будет?*

А.Д.Б.: *«Да, они состояли в ЛОСХе, битые жизнью, не выказывали фрондерства, не участвовали в неофициальных выставках, но влияние их несуетной творческой независимости на формирование молодого поколения ленинградских художников трудно переоценить».*

Л.Г.: Хорошо бы и тут поконкретнее: кто именно на кого влиял. Это только кажется, что если пользоваться клише, то в реальности всегда найдется что-нибудь, этому клише соответствующее. А ведь ничего обычно не соответствует, и на этот раз тоже. Но я понимаю: цель А.Д.Б. – не в том, чтобы в словаре художников андеграунда не забыть и лосховцев, а чтобы (заодно вербуя союзников) создать образ «Неистового ревнителя». Мол, нормальный человек это бы обязательно сделал. Я, между прочим, так и делаю: Н. Акимов в качестве учителя назван раз десять; о тех немногих членах ЛОСХа – Г. Трауготе, В. Стерлигове, – влияние которых обнаружила, пишу. Но А.Д.Б. даже в именной указатель не заглянул. Нет, предисловие глазами пробежал. Но невнимательно.

А.Д.Б.: *«Л. Гуревич признает отсутствие четкой границы между официальными и неофициальными художниками, но все-таки выбирает в качестве критерия постоянное участие в неофициальных выставках».*

Л.Г.: На самом деле пишу: «Четкую границу между официальными и неофициальными художниками провести невозможно, и в спорных случаях вопрос решался по сумме признаков. Так, эпизодическое появление на квар-

тирной выставке члена ЛОСХа не становится основанием причислять его к андеграунду. Однако эти художники включены в прилагаемый список участников неофициальных выставок... Но ... Стерлигову, состоявшему в ЛОСХе, посвящена статья, ибо без него многое в неофициальном искусстве понять невозможно».

Абзац пятый

А.Д.Б.: «Л. Гуревич я бы назвал неистовым ревнителем ленинградского андеграунда. Это определение имеет и позитивные, и разрушающие, опасные коннотации».

Л.Г.: Стиль, известно, это человек. Заметьте это маленькое «бы» (ведь назвал уже); и мало того, что не книга, а жанр «берет на себя охранительные функции»: не автор книги – опасный разрушитель, а определение, ему данное, «имеет (такие) коннотации». И опять же никак не конкретизировано: почему опасный, для кого опасный, что разрушающий?

Р у с л а н: *Ничего не разрушает, кто она, просто прыцк на носу вскочил, а мне на крутую международную тусовку нужно. С другой стороны, если какая-то, которая никто, маргинал, – у меня не спросясь, будет книжки выпускать, это не по закону.*

А.Д.Б.: «Она – несгибаема, бескомпромиссна в своей верности определенным именам и явлениям».

Р у с л а н: *Ну что за дура. Вот я «прогибаюсь под изменчивый мир», а поглядите, как собой доволен.*

Л.Г.: Что за упрек литератору, историку культуры – верность теме; т.е. в этом сезоне александрийскую поэзию больше не изучают, так, что ли?

А.Д.Б.: «Годы проходят, а для нее по-прежнему важны перипетии внутренней жизни ТЭИИ, разногласия внутри его лидеров, она всем сердцем переживает верность одних и отступничество других. Сопротивленческий, диссидентский дух представляется ей едва ли не главной ценностью андеграунда».

Л.Г.: «Сердце» и дважды повторенная «верность» – это должно звучать смешно: стоит ли принимать всерьез человека, у которого все это имеется.

Л ю д м и л а: *И опять «едва ли» – сказал и дверь оставил открытой, если что – можно сбежать.*

Л.Г.: Ну хотя бы одной цитатой подтвердили – вообще ни одной цитаты в рецензии на книгу! Александр Давидович: о перипетиях внутренней жизни ТЭИИ в «Словаре» ни слова. Но я понимаю: кто-то Вам говорил про другой текст – «Хронику ТЭИИ», написанную в 1993-м, а в 2000-м отредактированную и опубликованную. Мной написанную, а не Людмилой. В доказательство привожу цитату из рецензии Михаила Трофименкова: «Колоритна и местами безумно смешна и хроника ТЭИИ, где в равной степени бурлескны и зловещи и гебист Коршунов-Кошелев, и отсидент Георгий Михайлов». Что до диссидентства, то таковыми художники были в глазах вла-

стей. В Ваших глазах. Сами же они искусством, как Вам ни странно, занимались, а если кого политика сильно интересовать начинала, в тех, за малым исключением, провокаторов видели – возможно, и несправедливо.

Абзац шестой

А.Д.Б.: «Но есть и другие ценности, собственно творческие: актуальность и самостоятельность идей и стратегий, индивидуальность и перфекционизм реализации, встроенность в мировой контекст».

Л ю д м и л а: Вот и о главном – мировой контекст... Да, без генеральной линии партии им никак, тогда соцреализмом пугали, теперь мировым художественным процессом. Сначала от него изолировали, затем срочно, шагом марш, строим и встроиться. Им бы только чем-нибудь стращать. Им бы только ни за что не отвечать.

Л.Г.: Крикливо, конечно, но – Неистовый ревнитель так Неистовый ревнитель: рот не зажмешь, политкорректности не научишь.

Р у с л а н: Причем здесь партия, нашла, что вспоминать, тебе же говорят: чем крупнее масштаб, тем выше цены. Следи за мировым арт-рынком. За курсом валют.

Л ю д м и л а: Как цинику положено: цену знаешь, но не ценность. Так и торговал бы искусством – если уж именно к этому душа лежит: дело необходимое, хотя и не совместимое со службой в крупнейшем музее страны».

Л.Г.: Людмила, тебе несдобровать.

А.Д.Б.: «И эти ценности не всегда совпадают с героическим антиталитаристским жестом, с нонконформизмом. (Кстати сказать, этот термин, который часто кладут в основу идентификации искусства, вовсе не сводится к институциональным и поведенческим составляющим: в творческом союзе не состоял, в неофициальных выставках участвовал. Нонконформизм прежде всего качество художественного мышления. И часто имеет место трагическое несовпадения нонконформизма поведения и конвенциональности, типологичности художественного мышления».

Л.Г.: То есть Вы хотите сказать: бывает конформизм поведения и тайное фрондерство, оригинальность мышления? Кто б сомневался. Никакой Солженицын не сравнится в отвращении к советской действительности с тем, что высказано в дневниках Юрия Нагибина. И верхушка страны, оказывается, советскую власть ненавидела и о собственных замках в Швейцарии или где там, мечтала. И Вы, когда были, ну, скажем, комсомольским активистом, может, о чем-то nepoзвoлитeльнoм и нoгдa думали.

Л ю д м и л а: Вот пусть и составляет словарь этих тайно свободных людей – там не только вся интеллигенция, там полстраны окажется. И чем ему не нравится «типологичность художественного мышления»: у самого что ни мысль, что ни посылка – то клише.

Л.Г.: Да, Людмила, ты действительно клише. В следующем пассаже указано его, клише, происхождение: Нью-Йорк, первая выставка собрания Нортон Доджа.

Л ю д м и л а: Мне кажется, все, что Руслан знает о ленинградском андеграунде – знает по Нью-Йорку.

А.Д.Б.: *«Собрались участники андеграундного движения, одни – успешные...»*

Л ю д м и л а: Это святое.

А.Д.Б.: *«...действующие художники, другие ветераны, живущие воспоминаниями.»*

Л ю д м и л а: Их должно пнуть.

А.Д.Б.: *«Не редкость было слышать что-то типа: я на бульдозеры лез, а он в мастерской отсиживался, детскими иллюстрациями кормился. А мне одно место выделили, а ему – целый стенд!»*

Л.Г.: То ест., по-вашему, Людмила думает: **«Я андеграунд изучала, когда Руслан им брезговал, его презирал, молчал бы теперь, не лез не в свое дело».** Но я, Люба, так не считаю. Я героизма не требую. Ну, не были Вы героем, так не были. Ну, плевали на все это со своей высокой колокольни, так плевали. Ну, ловко повернулись в нужный момент, так повернулись. Такой характер. Все мы люди. О лучшем можно при желании много плохого сказать. Но приходится слушать Людмилу, раз выпустили джина из бутылки.

Л ю д м и л а: Ведь чем был, тем остался. Как был враг, так и есть.

Л.Г.: Ну что ты все лезешь на рожон, сейчас-то чем так вреден?

Л ю д м и л а: Он ленинградскую живопись не любит. За нее ответственности не чувствует. Для собрания Людвиг в Русском музее нашлось место, а для ленинградской живописи ни места, ни средств нет. Дождутся, пока все вывезут из города, из страны: попробуй, докажи теперь, какой был художник Арефьев.

Л.Г.: Но разве должен искусствовед искусство любить? Он, может, давно сыт по горло: не возлюбленная – жена, ошибка молодости, а деться некуда.

Л ю д м и л а: Жена, за счет которой он живет. Он, чиновник, служитель – искусству не служит, он им пользуется. Он, похоже, вообще не подозревает, что искусство кому-то может быть необходимо, само по себе, без приносимых им выгод.

Л.Г.: Ну и Франкенштейна Вы создали, теперь придется жить с ним. Примите соблезнования. Пожалели же Вы Людмилу, хотя и лицемерно –

А.Д.Б.: *«Увы, контекстуализация любого явления в масштабе мирового художественного процесса, смена оптики от локального к более масштабному неизбежно ведет к определенным потерям, особенно в человеческом плане».*

Л.Г.: Два масштаба в одном предложении и третий раз «мировой процесс».

Руслан: *И лес рубят – щепки летят. Да пропадите вы пропадом. Не высовывайтесь. Сгиньте, наконец.*

А.Д.Б.: *«Многие активисты андеграунда, рыцари противостояния с властями «сокращаются» в масштабе, а то вовсе становятся незаметны. А, скажем, негероический Илья Кабаков остается в фокусе внимания галерейного и музейного мира».*

Л.Г.: Галерейный и музейный мир – «мировой процесс-4». Важно подчеркнуть, что Кабаков героем не был. Он не был – и Вы не были, так что все в порядке.

Абзац седьмой

А.Д.Б.: *«В ее представлении, как мне кажется, идеальный представитель андеграунда – это герой противостояния властям, к тому же – культурный художник модернистского плана».*

Л.Г.: Это Вам действительно кажется. Я не мыслю такими категориями, как «представитель андеграунда». Андеграунд – не партия, не сообщество, а самое большее – среда. Состоящая из личностей. Никто там ничего, кроме себя, не представлял. Вы хотите сказать, что Людмила – человек отсталый, ее «идеальный представитель» – художник-модернист, а ведь пост-пост на дворе.

Людмила: **А для Руслана идеальный художник выращен из фарцовщика и воплощает те же качества – знает, куда ветер дует, где что почем; феноменально пустой и феноменально наглый, может гнать пургу, задурить голову и всучить лягушечью игру вместо паюсной – в этом все и видят его талант. Четыре класса образования и документ, удостоверяющий, что он доктор всех наук. Руслану с таким комфортно: свой парень, разумный, с ним и на равных, и свысока можно, не то что с художником, действительно создающим произведения искусства, этим священными чудовищем, который всегда неудобен, пред которым если не благоговеть, то хотя бы уважать коего нужно.**

А.Д.Б.: *«Но есть что-то, что она принять не в силах».*

Л.Г.: Ну что за тон по отношению к автору книги, которую не читали.

Людмила: **Обычное хамство советских разгромных статей, у кого ностальгия – насладитесь.**

А.Д.Б.: *«А именно – мировую востребованность (мировой процесс-4) художников, попросту переросших оппозицию «официальное – неофициальное», демонстрирующих постмодернистскую дистанцированность от занимавших лидеров движения проблем и конфликтов, выказывавших – страшно сказать – иронию в отношении базисных ценностей андеграунда».*

Л.Г.: Базисная ценность художников андеграунда – это творчество. То есть выказывавших иронию по отношению к творчеству? Это хорошо. Переросшие – каким образом?

Л ю д м и л а: Проникшие в дыру в стене, которую головой проби-вали другие.

Р у с л а н: Да я не про то. Это я – перерос, я – выше различий. Мне все равно, с какого искусства навар иметь.

А.Д.Б.: «...Они были нацелены не на борьбу с властями и с творчески-ми союзами, а на интеграцию в современное искусство (мировой процесс-5), это было для них несоизмеримо важнее любых сопротивленческих жестов!»

Л. Г.: Художники, вынуждена повторить, с властями не боролись, никаких жестов (за редчайшими исключениями) не делали; они выбивались из подполья – добивались выставок. Художники ведь такой народ – им бы лишь выставка была, вот и вся их политика. И как эти Вами уважаемые художники из андеграунда могли интегрироваться во что-то до перестройки? А как перестройка случилась, так какой там андеграунд? Ну, не логично, никак не сходиться по времени борьба с властями и «интеграция в современное искусство».

Л ю д м и л а: Да с логикой у Руслана все в порядке, просто метод такой – постоянно подсовывать одно вместо другого.

Л.Г.: Не буду лукавить: я понимаю, на что Вы намекаете. Тимур в 1982-м наклеил этикетку под отверстием в щите, из-за чего поссорился с организаторами выставки. И вовсе не потому, что этикетка была прикреплена под дыркой. А потому, что это было сделано после того, как список работ подали в Управление культуры, и появление лишнего экспоната грозило срывом выставки. Тимур, постоянно пребывавший в маниакальном состоянии, сильно приподнял это событие. Вы, полагаете, он тут же интегрировался в современное искусство. Ну, лет 50 с лишним назад уже были спекуляции по поводу нуля – но не будем мелочиться. Одна Вам неинтересная деталь: власти выставки уже позволяли, но хотели, чтобы художники выставлялись маленькими группами. Смешленный Тимур прикинул: те, кто будет в диалоге с Управлением культуры со всем соглашаться, получают преимущества. Потому срыв большой выставки был бы ему на пользу.

Л ю д м и л а: Ну и паршивец же этот Тимур...

Л.Г.: Тише, Людмила. Тебе же растолковали: таким образом Тимур демонстрировал «постмодернистскую дистанцированность от занимавших лидеров проблем и конфликтов, выказал... иронию в отношении базисных ценностей андеграунда». А главное, уже тогда, говоря на современном жаргоне, «правильно выстраивал свои стратегии».

Л ю д м и л а: Пусть объяснит еще, почему эта интеграция в мировой художественный процесс, эта глобализация или эта тусовка, на которую могут позвать или не позвать Руслана, важнее человеческого достоинства – ну, просто порядочности.

Р у с л а н: Как я объясню – я слов таких не знаю. Уйми ты ее наконец, Александр Давидович.

Абзац восьмой

А.Д.Б.: *«Гуревич болезненно воспринимает подобную установку. Отдать все то героическое, что было связано с ТЭИИ, за чечевичную похлебку, то бишь за жестяную банку томатного супа «Кемпбелл», которую Энди Уорхол послал Тимуру Новикову!...»*

Л ю д м и л а: Ну, понятно, тут-то Тимур окончательно интегрировался в мировой процесс. Центральное событие XX века! Победителей не судят!

А.Б.Д.: *«...И она, презрев жанровые нормы словаря...бросается в бой! Она находит внутренние резервы жанра. Прежде всего – характер портрета. Обычно (?-Л.Г.) это биографические моменты (?-Л.Г.) вкупе с описаниями творческой манеры художника...».*

Л. Г.: Вдруг признались, что тут не только биография, хотя к тому прежде свели.

А.Д.Б.: *«...Часто – что, наверное, неизбежно при таком объеме портретируемых – несколько однообразными». *

Л.Г.: Ну конечно, куда там убогой Людмиле. Но тут уж мне обидно, и, рискуя быть нескромной, все же приведу цитату: «Под ее пером никто ни на кого не похож; каждый художник, будь он, допустим, ничтожен или, предположим, велик, – похож только на себя»².

А.Д.Б.: *«... она не в силах примириться с тем, что давно ушедший художник по-прежнему определяет лицо нашего искусства!»*

Л.Г.: Статья о Тимуре Новикове написана, опубликована и, не побоюсь сказать, всеми, кого сколько-нибудь интересует современное петербургское искусство, прочтена при его жизни. В «Словаре» – ее сокращенный, смягченный, приведенный в соответствие с жанром вариант. Видимо, я тут что-то главное задела – иначе как понять, почему Вы сделали так неосторожны. Оставили свою манеру – сказал неправду, прибавил «кажется», «обычно» – и вообще, попробуй докажи, что написал именно это или именно о тебе. А тут прямо слова мне приписаны:

А.Д.Б.: *«И привычный набор эпитетов – правильные заслуженные, высококультурные, уступает место другим определениям: Новиков, по Гуревич, мистификатор, насмешник, декадент, конъюктурищик, кто там еще!»*

Л.Г.: Слово «правильный» действительно встречается в моей книге, но по отношению к геометрической фигуре, а не к художнику. Что до остальных приведенных Вами эпитетов и определений – готова дать объявление в Интернет и во все доступные издания: кто их там найдет, плачу – ну, 10.000 евро. Но если не найдет – платите Вы. По рукам? Или Людмила все-таки что-то там исправила? Иначе почему Вы написали такое?

Л ю д м и л а: Да просто обнаглел. Думает, никто не будет проверять, а я не снизойду или не посмею возразить. Побоюсь быть смешной. Внемлю голосу разума. Скушаю.

² С. Гедройц. Л. Гуревич. Художники ленинградского андеграунда: Биографический словарь. СПб.: «Искусство – СПб», 2007//Звезда, 2007, №8. С. 231

А.Д.Б.: *«То, что Тимур смог законы конъюнктуры апроприировать как законы собственной поэтики, автор отрефлексировать не может и не хочет».*

Л.Г.: Ну что опять за тон, словно наставник с дурным учеником. Давайте я с Вами так поговорю, тем более, что мне это больше к лицу, я старше. А то, что именно этому посвящена моя статья о Тимуре под названием «Лохотрон» и, частично, тот ее вариант, что в словаре, Вы, Александр Давидович, не знаете и знать не хотите.

А.Д.Б.: *«Та же специальная избирательность сквозит и в отборе имен: самый малый послушный (не знаю кому, но именно так – Л.Г.) участник неофициальных выставок взят на учет, но не Африка-Бугаев, не Юфит и некрореалисты».*

Л.Г.: Но ведь заглядывали в предисловие: там указана хронологическая граница – 1985-й включительно. Хотя откуда Вам знать, что проект под названием «Африка – величайший художник современности» Тимуром еще не был запущен; работы, подписанные этим именем, появились только в 1986-м. Так же как и Е. Юфита, а еще позже – прочих некрореалистов. Или, по-вашему, это для других есть хронологические границы, но никакие законы не писаны для Африки. Да если бы я ограничилась не 1985-м, а, скажем, 1988-м, я поместила бы Африку в список участников, но статьи о нем не стала писать. То, что выставлялось под этим именем, было ниже всякой критики и принималось на выставки только из нежелания скандала, который устроил бы Тимур. Африка тогда был известен не в качестве художника, а в качестве, так сказать, ноль-объекта Тимура, успешного эксперимента, которым он доказал, что важен не продукт, а рекламная кампания.

А.Д.Б.: *«Не заметить их можно только в полемическом задоре».*

Л.Г.: Действительно, Африку в качестве художника ни до 1985-го, ни потом не заметила. Знаете, не только я: искала и не нашла в городе никого, кто Африку в качестве художника любил бы. Или хотя бы не любил. Полнейшее безразличие – словно это не человек, а фантом. Верней, симптом. И не пугайте «мировой востребованностью», венецианскими бьеннале. Мне собственный разум дороже.

Л ю д м и л а: **Вот Руслан тоже какой-то отдел в одном в музее мирового значения возглавляет, – а что на поверку? Ни одному слову верить нельзя.**

Л.Г.: Нет, Людмила, фраза про то, что факты твоего друга не интересуют – чистая правда. Найди, наконец, в нем что-то хорошее или на худой конец нечто индивидуальное: хотя бы это сочетание увертливость и открытости, практичности и способности воспарять или великодушия, широты души и ...

Л ю д м и л а: **...нахальства.**

А.Д.Б.: *«Неистовая верность своим героям парадоксальным образом ведет к тому, что автор – возможно, неотрефлексированно, – отвергает всех тех, кто, по ее мнению, востребован больше, чем они, – незаслуженно, неправильно, несправедливо!».*

Л.Г.: Что значит опять – «верность», на этот раз «неистовая»? В «Словарь», что ли, вставила тех, кого давно пора забыть? И кого там еще эта неистовая Людмила «неотрефлексированно» отвергла, кроме тех, кто за пределами хронологии и принципов отбора оказался?

Л ю д м и л а: **Никого, стопроцентная ложь. Но как живая рыба в руке, мгновенно извернулся, и с художников, которым книга посвящена, соскользнул к тем, кто их интерпретирует.**

А.Д.Б.: *«Более того, похоже, верность своему видению материала ведет... к отторжению любых других интерпретаций».*

Л.Г.: То есть не художников отвергла, а интерпретаторов. Написав книгу, ничего не интерпретирующую. И как я это умудрилась? Ах вот что: «библиография»...

Л ю д м и л а: **Я до сих пор думала, люди с ученым званием знают, что такое библиография и умеют отличить от списка использованной литературы.**

Л.Г.: Да, в книге именно такой список, причем использовала я, как правило, иллюстрации. Об этом в предисловии написано.

А.Д.Б.: *«Удивительно, как умудрился автор просмотреть (если это действительно недосмотр) такой массив публикаций обобщающего плана, в том числе западных. Не говорю уже о ранней публикации К. Кузьминского «Бараки Ленинграда».*

Л.Г.: И что я могла бы извлечь из работ «*обобщающего порядка, в которых так или иначе затронут ленинградско-питерский материал*», особенно западных, для книги, состоящей из биографий и описания манеры художника? Ну, Кузьминского могла бы и включить, ведь читала. Не включила, потому как за такой же проступок в другом месте он меня покрыл неприлично сказать как, не буду говорить где. Мне было интересно, в каких выражениях он меня разделает на этот раз. Ну, не научный критерий. А с другой стороны, имела право, я действительно его статью не использовала. Кузьминский, Вы могли бы заметить, если бы Вас факты интересовали, автор неточный, человек болтливый: его несет, а не он – ответственность за свои слова. Как всем известно, он профессоров предлагал вешать. Мне описали: взяв в руки «Словарь», он заглянул в именной указатель, поискал свою фамилию, и после чего стал по своему обыкновению книгу крыть матом. Ну, Вы не так брутальны. Но, в сущности, реакция, видимо, типовая. Не найдя в нужном количестве своей фамилии, так возмутились, что не сочли за труд предъявить перечень книг, которые я включить должна была, но не включила. Не в каждой есть фамилия Borovsky, но если ее нет – опять афронт: например, «*Reuter Jule. Gegenkunst in Leningrad. München: Rlinkhardt & Biermann, 1990*» у меня в списке четыре раза – в общей части и трижды в персоналиях.

Абзац десятый

А.Д.Б.: *«Создается впечатление, что автор действительно ревнует свое видение феномена андеграунда к любым другим видениям: не надо нам чужих интерпретаций, не надо нас контекстуализировать в русле международного художественного процесса (мировой процесс-б), у нас все свое – авторитеты, ценности, мифы!».*

Л.Г.: Нет, мифы меня никогда не интересовали, а что до ценностей, то, действительно, как-то не приходило в голову тут сверяться ни с мировым художественным процессом, ни с Русланом, который у нас подрядился его представлять.

А.Д.Б.: *«В одних случаях (видимо, «свои») Л. Гуревич называет авторов даже газетных статей и составителей буклетов, а в других настаивает на слепом методе: Владлен Гаврильчик. СПб: ООО «П.Р.П.», 2004. (Авангард на Неве)... И так множество раз. Авторы больших монографических статей как бы неинтересны».*

Л.Г.: Это как-то не по-постмодернистски: что за иерархия, с чего это автор газетной статьи хуже. Или уж очень по-постмодернистски: все равны, и только положение или успех определяют, кто главный. И что за низкое подозрение: «свои»! Я из авторов вставленных в список статей знаю, кто такие Михаил Трофименков и Юрий Новиков. Кто, по-вашему, для Людмилы «свои» – те, что из андеграунда? А ведь только что пеняли, что Кузьминского не вставила, а кто более, чем он? Или не заметили, как часто цитирую Ирину Карасик, сотрудницу Вашего отдела, и меня совершенно не интересует, как она относилась к неофициальному искусству при советской власти. Она честный профессионал, и прежде чем о картинах писать, на них смотрит. Естественно, в обоих названных альбомах есть Ваши статьи. Но почему Вы решили, что их можно было использовать для «Словаря» – сами же первым делом читателя уведомили: то, чему это книга посвящена, Вас никогда не интересовало. Попробовала читать Вашу статью о В. Видермане, нашла там, что он член ТЭИИ – и бросила; потом статью о К. Лильбоке: там сказано, что Р. Васми учился в СХШ, – и не могла себя заставить читать дальше.

Л ю д м и л а: **А в начале статьи о А. Белкине написано про поколение, «вхожее в Сайгон», и про «сумрачный народец андеграунда», – ну, и швырнула книгу прочь с отвращением.**

А.Б.Г.: *«В результате Гуревич не замечает присутствия в литературе о нашем андеграунде таких имен ...»*

Л.Г.: Не буду их приводить, сегодня все Вам посвящено. Неужели Вы всерьез считаете, что я все это, причем бесплатно, должна была читать? Я бы тогда серьезно заболела и «Словаря» не составила. Думаете, Вы один такой – выше того, чтобы что-то знать о предмете писания? Если бы все-таки – понемногу, по абзацу зараз – зачем-то себя заставила, я бы смогла многое написать – об авторах статьей, но никак не о художниках. Может, когда-нибудь и займусь.

Руслан: *Такую ненормальную еще поискать. Кто говорит, что их читать нужно – не для того пишут. И меня не принуждают читать. Нужно только фамилию вставить, дура наивная. Не могла такого маленького удовольствия мне сделать, жить не умеешь.*

Людмила: Дальше оказывается: не Руслан выдает список использованной литературы за библиографию, а я — библиографию — за список! Вдумайтесь.

А.Д.Б.: *«Л.Гуревич стремится обезопасить себя, заявляя о своей библиографии как о списке использованной литературы. Что тут скажешь – жаль, что так мало использовано: подобная избирательность прямо ведет к маргинализации явления!».*

Л.Г.: Что значит – жаль? Я что – со своей задачей не справилась?

Людмила: Да нет, он просто говорит: если мою фамилию не вставить, явление становится маргинальным. Проще не бывает.

Л.Г.: Да ладно, маргинал так маргинал; психологии утверждают: они чаще талантливы.

А.Д.Б.: *«Ведь имена авторов искусствоведческих работ в высшей степени репрезентативны: они сами по себе свидетельствуют о масштабе описываемого феномена и о его востребованности и интегрированности в мировой художественный процесс (мировой процесс-7)».*

Людмила: Он говорит, что если он Арефьева не заметил, так такого художника и нет. И нефиг его выставлять. И нефиг о нем напоминать. Хотя при случае и на нем заработать можно.

Абзац одиннадцатый

А.Д.Б.: *«Как принято писать в рецензиях – надеюсь, указанные недочеты помогут в дальнейшей работе над темой».*

Людмила: Это он мне указывает? Да у него мания величия.

А.Д.Б.: *«Правда, не уверен в направлении этой дальнейшей работы. Собственно, возможных — два. Первое ...локализовывать (а то и маргинализировывать) явление ленинградского андеграунда. Что ж, тогда ничего, кроме мемориального: почетный караул, салют! И – по домам».*

Л.Г. Это то, к чему сведена моя работа.

А.Д.Б.: *«Второй путь – показать это явление в развитии и в контексте. Вживе, без залпов».*

Л.Г.: Ура. Займитесь этим, Александр Давидович. Большому кораблю большое плаванье. Вот видите, я – отнюдь не Людмила, могу не только андеграундом интересоваться. Могу и Вас своим героем сделать.

ЛЮДМИЛА: «Вы пишете, Вы пишете, Вам зачтется. Я потом, что непонятно, объясню».

777Сентябрь

